РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ

Трофимцева С.Ю.

Мифологизация истории в контексте государственной информационной политики

*Самарский юридический институт ФЦИН России
(Россия, Самара)*

doi:10.18411/spc-01-11-2017-01

ids: 000001:spc-01-11-2017-01

Идеи патриотизма играют довольно значимую роль для сохранения государства и консолидации его граждан. Государство как институт, регулирующий социальные отношения, посредством, в том числе, минимизации социальных конфликтов, всегда неизбежно вынуждено реализовывать функцию, определяемую рядом исследователей как «идеологическая». В современных условиях развития информационного общества реализация идеологической функции государства трансформируется в систему мер государственной информационной политики, одной из целей которой в России, как было зафиксировано в Доктрине информационной безопасности РФ ещё в 2000 г., является информационное обеспечение государственной политики в целом [1].

Объектом государственной информационной политики выступает социум как самоорганизующаяся информационная система, по отношению к которой, по мнению А.В. Манойло, возможно применение управляющего информационно-психологического воздействия со стороны властной элиты [2], целью которого является трансформация и иногда частичная модификация некоторых свойств информационной системы. За счёт этого власть самоутверждается и легитимизируется в общественном сознании, что П. Бурдьё называл властью добиваться признания власти.

Семантическим ядром государственной информационной политики выступает идеология как «понятие, посредством которого традиционно обозначается совокупность идей, преданий, мифов, политических лозунгов, программных документов партий, мировоззренческих концепций» [3]. Как отмечает большинство исследователей, идеология, не имея откровенной религиозной окраски, исходит «из определённым образом “сконструированной” реальности, ориентированной на практические интересы властной элиты и имеющей целью манипулирование и управление людьми путём воздействия на их сознание» [3].

Логика становления государственности, в том числе, и российской, демонстрирует стремление властной элиты навязать социуму удобную себе идеологию, позиционируя её как национальную. В этих условиях мифотворческий процесс приобретает своего рода искусственный характер и становится неотъемлемой чертой государственной информационной политики.

Искусственно созданные политические мифы, безусловно, имеют ряд общих черт с естественными мифами: исходным семантическим ядром являются реальные исторические события, которые определённым образом трансформируются, по выражению К.Х. Каландарова, в «воображаемые миры» [4] и частично сакрализируются. Однако уже на этапе оформления в политическом мифе снимаются имевшиеся в социуме в тот темпоральный промежуток противоречия, значит, исчезает вероятность восприятия информации как многозначной. Можно утверждать, что политический миф является всегда, в достаточной степени, специально подготовленной

информацией с заданными семантическими параметрами, а ссылки на будущую государственную потребность можно считать разновидностью «конструкта будущего» (К.Х. Каландаров), который представляется как связывание последовательных во времени несвязанных жёсткой причинно-следственной связью событий [5, С.326] для легитимизации интересов властной элиты и оправдания её просчётов. Как указывал Э. Кассирер, политические мифы «изменяют людей, в связи с чем миф используется в качестве операционного инструмента для достижения конкретных политических целей» [6, С. 63]. Эффективность данного инструмента властной элитой была осознана достаточно давно. Ещё в III в. до н. э. Цинь Шихуанди приказал отредактировать все китайские сказки и мифы, придав им нужную окраску.

Несмотря на то, что большая часть политических мифов с патриотической составляющей имеет конкретную темпорально-историческую предназначенность, некоторые из них, наиболее «удачные», способные возрождаться в ряде последующих эпох. В качестве примера можно привести миф об Александре Невском [7], образ которого, созданный по политическому заказу, вряд ли имеет что-то общее с реальной личностью, а его «пагубная политика», по мнению ряда специалистов, привела не только к ликвидации создаваемой антитатарской коалиции в 1252 году, но и «к формированию прочной зависимости северо-восточной Руси от татар» [8, С. 167]. Использование в политических мифах метода «авторитетных фигур», экстраполяции качеств, темпоральных смещений, «конструктов будущего» и пр., превращает миф в весьма действенный инструмент воспитания патриотических настроений не только у детей, но и у взрослых.

Однако политические мифы несут в себе определённую угрозу: разоблачение политического мифа может форсировать процесс делегитимации властной элиты в общественном сознании. Как известно, разоблачение ряда советских политических мифов в период Перестройки (мифы о «добром дедушке Ленине», о гуманистическом характере Советской власти и прочие) привело к тому, что значительная часть граждан большинства советских республик на региональных референдумах выразили несогласие с нахождением своей республики в составе СССР (последняя – Украинская ССР, 01.12.1991 г.), а у молодёжи 1990-х гг. начался рост ксеноцентричных настроений.

На современном этапе в связи с отсутствием чётко оформленной идеологии в государственной информационной политике РФ властная элита опять обращается к искусственным политическим мифам предыдущих, в частности, советской, эпох. Здесь можно назвать миф «о вынужденном характере заключения Пакта Риббентропа – Молотова» и целый ряд мифов о Великой Отечественной войне, в частности, о тотальном патриотизме советских граждан в начале войны, о подвиге двадцати восьми панфиловцев и т. п., причём информацию такого рода пытаются широко распространять также и в детской, и молодёжной среде. Результаты подобных действий могут стать вполне предсказуемыми: миф удерживает свои позиции в общественном сознании только в условиях недостатка информации. Вряд ли молодые люди, собирающиеся связать свою жизнь, например, с вооружёнными силами, всегда сохранит это настроение, если осознает, что невосполнимые потери в ряде сражений были 1:25 из-за осознанных решений советского командования, двадцать восемь героев-панфиловцев были произвольно выбраны из общей массы погибших и пропавших без вести, в результате чего Золотой звезды Героя Советского Союза был удостоен перебежчик, служивший на оккупированных нацистами территориях в полиции, запись в РОА периодически приостанавливалась из-за наплыва желающих, а

в блокадном Ленинграде партийно-государственное руководство возмущалось отсутствием мяса хотя бы в одном из четырёх приёмов пищи, требовало свежих фруктов и выбрасывало чёрствый хлеб...

Кроме этого, развитие глобального информационного пространства, как и предполагали футурологи, формирует в некоторой мере космополитические настроения, соблюдение свободы слова способствует разрушению части политических мифов, а наличие определённой степени интеллектуальных способностей вкупе с плюралистичной информацией позволяет сравнивать реальные и «воображаемые» миры явно не в пользу последних. Собственно, если обратиться к опыту США, то, как утверждают некоторые специалисты, во многом, именно низкий уровень общей образованности широких масс позволяет властной элите поддерживать относительно высокую степень патриотических настроений (одно из высказываний В.В. Жириновского относительно связи уровня образованности молодёжи и устойчивости положения властной элиты весьма показательны).

Исходя из выше сказанного, можно утверждать, что для развития патриотических настроений в обществе и воспитания подрастающего поколения властной элите не следует ориентироваться на только искусственно созданные «воображаемые миры», в высокой степени неадекватно отражающие историческую реальность.

1. Доктрина информационной безопасности РФ (утратила силу). Утверждена Указом Президента от 09 сентября 2000 года № Пр-1895 [Текст] // Российская газета. – 2000. – 28 сентября. – № 187.
2. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в особых условиях [Электронный ресурс]. М.: МИФИ, 2003. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text24/0022.htm>, свободный.
3. Современный философский словарь. – М.-Минск: Харвест, 1993. – Ст. «Идеология».
4. Каландаров, К.Х. Психологическая война [Электронный ресурс] / К.Х.Каландаров. – Режим доступа: http://www.bookap.by.ru/kalandarov_psywar.shtm, свободный.
5. Трофимцева, С.Ю., Васильев, О.А. Особенности мифологизации образов политических лидеров и специфика их дискредитации [Текст] / С.Ю. Трофимцева. О.А. Васильев // Бренное и вечное. Человек в пространстве российской государственности: мифология, идеология, социокультурная практика: Материалы Всерос. науч. конф. 13-14 декабря 2011 г. Великий Новгород: НовГУ. – 2012. С. 324-327.
6. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов [Электронный ресурс] / Э.Кассирер // Вестник МГУ. – Сер.7 «Философия». – 1990. – №2. – С. 58-65. – Режим доступа: <http://read.virmk.ru/k/Kassirer.htm>, свободный.
7. Трофимцева, С.Ю. Политическое мифотворчество как метод государственной информационной политики [Текст] / С.Ю. Трофимцева // Бренное и вечное: власть и общество в мифологиях модернизации: Материалы Всерос. науч. конф. Великий Новгород, 16-17 ноября 2010 г. – Великий Новгород: НовГУ, 2010. – С.358-359.
8. Феннел, Дж. Кризис средневековой Руси [Текст] / Дж. Феннел. – М.: Наука, 1989. – 296 с.